

Правовой миф как ценностная основа правовой реальности России

Скоробогатов Андрей Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
E-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Краснов Александр Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия
E-mail: fieldo8@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является аксиологическое исследование роли правового мифа в конструировании и функционировании правовой реальности России. **Методологической основой** исследования является постклассическая парадигма, ориентированная на междисциплинарное философско-правовое исследование правовых явлений в широком историческом и социокультурном контексте, и соответствующий ей социально-конструктивистский подход, предполагающий исследование правовой реальности как результата субъективной и интерсубъективной творческой деятельности человека. Одним из направлений деятельности человека является правовой миф, играющий большую роль в создании и функционировании правовой реальности. **Результаты:** Аксиологическое исследование правовых мифов позволяет выявить их теоретический и практический потенциал в правовой жизни человека и правовой реальности. Для каждой эпохи характерны свои авторитарные и устойчивые правовые мифологемы, призванные создавать определенный образ правовой реальности, коррелирующий с ценностными ожиданиями субъектов правосознания и правовой культуры. Правовой миф всегда имеет своим ядром определенную правовую ценность. Правовой миф выступает как внутренне упорядоченное императивное утверждение, направленное на формирование определенного элемента образа правовой реальности. Посредством правовой мифологии осуществляется легитимация процессов, происходящих в обществе, прежде всего в наиболее нормативных сферах жизнедеятельности общества — в политике и праве. Имеет место приписывание социальным явлениям того или иного значения. Тем самым правовые мифы проникают в законодательство, обретая роль идеологического источника права. Идентификация мифа со стороны правосознания превращает его в определенную матрицу, которая выступает эталоном оценки соответствующего правового поведения. Правовой миф имеет дихотомичную природу. С одной стороны, он призван интерпретировать правовую реальность. С другой стороны, мифы конструируют реальность не только ментально, но и вербально.

Ключевые слова: правовой миф, правовая реальность, правовая ценность, правосознание, правовое конструирование, легитимация права, постклассическая методология.

Введение

Противоречия и многоплановость разнообразных социальных процессов начала нового тысячелетия поставили на повестку дня теоретическое осмысление современных цивилизационных изменений. Эти трансформации существенно ускорили пересмотр и разрушение теоретических представлений о социальной реальности, которые до этого времени казались нерушимыми и единственно верными. При таких условиях необходимым становится критический пересмотр и корректировка имеющихся теоретических положений и создание

новых парадигм, которые бы учитывали все накопленные научные достижения и более адекватно отображали современное развитие и функционирование общества.

В контексте решения этой задачи плодотворным представляется постклассическое исследование полионтологичности мира, связанного с феноменом правовой реальности. Все больше становится понятным, что классическое нормативное правопонимание неспособно адекватно объяснить правовую реальность во всем ее многообразии [Толстик, 2013], с учетом различных ее интерпретаций. Одним из направлений интерпретативного

исследования правовой реальности является изучение правовых мифов, в значительной степени отражающих содержание национальных правовых ценностей.

Анализ исследований и достижений

Проблематика мифов преимущественно исследуется в культурологии. К ней обращались Р. Барт [Барт, 2008], Ж. Бодрийяр [Бодрийяр, 2000], С. Жижек [Жижек, 2005], Дж. Кэмпбелл [Кэмпбелл, 2006], Ш. Плаггенборг [Плаггенборг, 2000], О. Тоффлер [Тоффлер, 1999]. Среди отечественных ученых, обратившихся к этой проблематике, можно отметить М.С. Кагана [Каган, 2003], А.Ф. Лосева [Лосев, 2008], В.Н. Топорова [Топоров, 1995], М.И. Шахновича [Шахнович, 1971]. Наряду с изучением архаических мифов, в центре внимания оказались и вопросы формирования, содержания, функционирования, онтологической и аксиологической природы и значения мифов в современной культуре [Яковлева, 2011].

Гораздо меньше внимания уделяется правовым мифам, которые изучаются либо историко-правовой наукой, либо юридической антропологией применительно к архаическим культурам (А.И. Ковлер [Ковлер, 2019], Г.Г. Небрatenко [Небрatenко, 2011], О.А. Пучков [Пучков, 1999], О.В. Танимов [Танимов, 2018]). Трансформация исследовательского поля юридической антропологии привела к формированию нового направления исследований, связанного с изучением современных аспектов правовых мифов (В.А. Бачинин [Бачинин, 1999], В.В. Бочаров [Бочаров, 2013], В.А. Вострокнутов [Вострокнутов, 2014], К.В. Горобец [Горобец, 2013], В.В. Завальнюк [Завальнюк, 2014], Е.А. Лукашева [Лукашева, 2012], Л.В. Сониная [Сониная, 2009], Ю.В. Тищенко [Тищенко, 2014], И.А. Шаповалов [Шаповалов, 2013]). В центре внимания оказалась аксиологическая роль мифа в формировании и содержании позитивного права.

Исходя из этого, **целью данной статьи** является аксиологическое исследование роли правового мифа в конструировании и функционировании правовой реальности России.

Изложение основного материала

Как показано в ряде наших предыдущих работ, правовую реальность можно рассматривать как фундаментальную философско-правовую категорию, обозначающую особую разновидность социальной реальности. Она является способом организации определенных аспектов правового бытия индивида и социума и его интерпретации субъектом (индивидом, локальной группой, обществом). Будучи результатом

не только юридических, но и социальных дискурсивных практик, правовая реальность выступает как сложноорганизованная многоуровневая система, включающая совокупность объективных и субъективных юридических явлений, которые могут быть представлены не только онтологически, но и феноменологически, когнитивно, функционально, пространственно и темпорально [Скоробогатов, Краснов, 2017].

Правовая реальность, как явление субъективно-объективное, сочетающее в себе материальные и духовные аспекты, имеет большой интерпретативный потенциал, который зависит не только от правового опыта человека, но и обуславливается национальной правовой традицией. Ни одно правовое явление не может рассматриваться как нечто внешнее по отношению к субъекту, человеку. Даже так называемое объективное (позитивное, официальное) право, которое в целом отвечает объективной необходимости в регулировании соответствующих видов общественных отношений, зачастую является лишь результатом творческой деятельности отдельных личностей, который воплотился в массовых поведенческих практиках. Формирование объективного права никогда не обходится без участия субъективного фактора — будь то древнейшие судебники, отражавшие интерпретацию соответствующих правовых обычаев, или же современные нормативные правовые акты, как правило, создаваемые в результате логико-юридической деятельности отдельных специалистов, с учетом интересов определенных социальных групп. Поэтому очень важным представляется акцентирование внимания на социальном конструктивизме: любое социальное явление, в том числе правовое, предстает как результат определенной целенаправленной деятельности человека, проникнутой в том числе субъективными началами [Бергер, Лукман, 1995].

Исходя из идеи социального конструктивизма, выдвигаемой сторонниками социально-культурного антропологического подхода к праву, правовую реальность можно представить как систему феноменов разного характера — текстуальных, ментальных, праксиологических — каждый из которых находится во взаимодействии друг с другом [Разуваев, 2015]. Человек, как субъект правотворчества и реализации права, оказывает воздействие на формируемое право, применяя его с определенной интерпретацией, совершая юридически значимые действия в той или иной форме. Как мы отмечали в своих работах, правовая реальность представлена несколькими уровнями (правотворчество, правореализация, правовое поведение, правопонимание). Существенную специфику представляет третий из обозначенных уровней — правовое поведение [Скоробогатов, Краснов, 2017].

Именно правовое поведение ощущает на себе серьезное влияние правовой мифологии, хотя последняя может детерминировать в определенной степени и правотворчество с правореализацией. В целях дальнейшего исследования подчеркнем, что правовое поведение опирается зачастую не только и не столько на нормы позитивного права, а является результатом правовой социализации, в ходе которой индивид усваивает правовые ценности и модели поведения определенного сообщества, отражаемые в неофициальном праве.

Современный человек имеет дело не с предметной действительностью как таковой, а с симулякр, ментальными конструкциями, представляющими пространственные и ассоциативные ландшафты. Независимые от трансцендентных образцов симулякры формируют социокультурное пространство и жизненную среду современного человека [Baudrillard, 1988, p. 164–184]. Современная социокультурная ситуация производит самостоятельные системы симулякров, окунает человеческое сознание в огромное количество мифологических миров, которые кажутся реальнее самой действительности. В правовой сфере также используется достаточно много симулякров, причем это происходит подчас неосознанно, имея в виду массовое правовое сознание и правовую культуру. Во многом это обусловлено особенностями создания правовой системы в том или ином государстве. Если в странах, которые принято рассматривать в качестве примера действия обычного права, последнее во многом формируется постепенно, исходя из повторяющихся практик поведения, санкционирующихся государством [Небрятенко, 2013], то, скажем, в романо-германской системе процесс носит совершенно иной характер. Разрабатывается некая правовая идея, которая облекается в форму нормативного правового акта, а затем соответствующий акт «вводится в действие» [Мионов, Зин, 2018]. Более того, возможно, что конституционное строительство и вовсе происходит таким образом, что определенные правовые конструкции в идеальной форме закрепляются до того, как соответствующие явления появились в реальной жизни. Поэтому, особенно на первых этапах развития такой правовой системы, возможно формирование целого набора симулякров в виде принципов правового государства, разделения властей и пр. Более того, само понятие «действие права», «действующее право» можно рассматривать как некий симулякр (в науке предлагается и вовсе приравнять его к плеоназму [Поляков, 2016, с. 564]): право имеет смысл только тогда, когда оно действует и воплощается в соответствующем правовом поведении. В противном же случае оно превращается в некий нормативный текст, никаким

образом не соотносящийся со сложившейся реальностью. Именно правовой миф определяет общую фундаментальную модель, основываясь на которой люди формируют свое поведение. Однако в каждом конкретном случае правовое поведение человека ситуативно и определяется самостоятельно созданными мифологемами, которые могут как совпадать с социальными (групповыми) мифами, так и находиться за пределами общепринятого мифологизированного правового поля.

Одна из ключевых идей постклассического правопонимания заключается в том, что правовую реальность невозможно изучать лишь как рациональную конструкцию. Нося в значительной степени сконструированный характер, она отличается ценностными характеристиками, которые являются иррациональными [Тимошина, 2016]. Если в рамках позитивной правовой системы еще можно говорить об определенной степени объективности, прежде всего по отношению к правотворчеству и правоприменению, то правовое поведение носит исключительно субъективный или интерсубъективный характер, и обусловленность юридической нормой не является необходимым его компонентом.

Здесь следует упомянуть о таком феномене, как юридическая норма [Перевалов, 2017]. Последняя является лишь разновидностью нормы права и представляет собой правило поведения законодательного характера, то есть норму позитивного права. В то же время, кроме юридической нормы, можно встретиться также и с нормами неофициального права. Следует иметь в виду, что юридическая (законодательная) норма может быть рассмотрена как основа правового поведения субъекта только применительно к представителям различных юридических сообществ. Именно специалист в области права обладает таким правовым мышлением, которое на первое место ставит именно норму позитивного права, а не собственные представления о справедливости. Соответственно, для представителей юридических сообществ юридическая норма становится аксиоматической основой неофициального и индивидуального права, а образ справедливости институализируется [Чиркин, 2017].

Неофициальное и индивидуальное право — феномены, пока еще недостаточно исследованные в юридической науке [Скоробогатов, Юсупов, 2018; Скоробогатов, Краснов, 2018]. Неофициальное право во многом показывает степень самоорганизации общества, наличие в нем механизмов, которые позволяют обеспечивать функционирование тех или иных сложившихся норм не посредством государственного принуждения, а иными путями (авторитетность, репутация, апеллирование к традиции, высокая

степень отражения интересов социальной группы и пр.).

Для иных социальных, в том числе профессиональных, групп основой правового поведения является именно норма неофициального права, формирующаяся в процессе социального взаимодействия и предназначенная для создания бесконфликтного сосуществования в группе. Эта норма обусловлена не столько юридическим, сколько ценностным содержанием, и ее соответствие юридической может быть только в случае, если последняя легитимна и в своем содержании учитывает социальные интересы и потребности. Так, вполне очевидно, что обычный гражданин, посетивший магазин для приобретения какого-либо товара, не заглядывает в текст соответствующих федеральных законов или постановлений правительства. Более того, зачастую он даже не имеет представления об этих формах права, а их содержание знает лишь со слов иных людей, либо соотносит свои представления о справедливой, правильной купле-продаже с теми конкретными правоотношениями, в которые он вступит с продавцом.

При этом индивид, конструируя свои правовые действия, исходит из того, насколько они способствуют удовлетворению его интересов и соответствуют ценностным ориентирам, приобретенным в процессе правового опыта, даже если они не соответствуют действительности, носят мифологический характер. Соотносимость правовых действий с социальной нормой имеет для индивида значение, если эти действия являются частью социального взаимодействия и служат целям его вторичной правовой социализации и (или) социальной адаптации. Применительно к юридическим нормам этот контекст значим, прежде всего, для юридических сообществ.

Современная правовая реальность является сложным полиструктурным образованием, находящимся в постоянном движении и подвергаемым трансформациям, обусловленным как юридическим, так и ценностным контекстом. С одной стороны, правовая реальность онтологически может рассматриваться как специфичная правовая конструкция, влияющая на правовое поведение субъектов, придающая их правовым действиям статус правомерных, соответствующих интересам и потребностям подавляющего большинства общества, выразителем которых в позитивном праве является государство. С другой стороны, правовые ценности субъектов разного уровня (индивид, локальная группа, общество) определяют не только их правосознание, но и правовое поведение, оказывая тем самым влияние на содержание и функционирование правовой реальности. Если проследить указанный тезис на примере судебной

деятельности, то можно обнаружить следующее. С одной стороны, сложившееся законодательство, практика его применения создают определенные стандарты поведения, которые реализуются участниками судебного разбирательства. Государство, закрепляя на конституционном уровне принципы правосудия, так или иначе формирует некую ценностную среду, претендующую на объективность. С другой стороны, каждый из участников судебного процесса сталкивается с тем, что выступает носителем системы определенных ценностей индивидуального или группового характера. Соответственно, свои представления ценностного характера участник так или иначе привносит в судебный процесс. Особенно это касается ситуации, связанной с правовым сознанием судей. Те или иные сложившиеся ментальные представления субъектов судейского сообщества могут существенно влиять на правовое поведение судьи при вынесении судебных актов, определении пределов реализации субъективных прав, при назначении наказаний. К примеру, судейское сообщество может стремиться к тому, чтобы ментально признать приоритет естественных прав человека, то есть примат интересов личности над государством, но насколько глубоко такое представление будет укоренено в сознании конкретного судьи — вопрос непростой. В результате станет формироваться несколько иная правовая реальность, которая будет соответствовать индивидуальным представлениям, не учитывая постулируемые на конституционном уровне принципы.

Субъект, конструируя в правовом сознании образ правовой реальности, стремится придать ему бесконфликтный, бесколлизийный характер, определить свое место в ней таким образом, чтобы это максимально способствовало достижению его интересов с минимальными усилиями, не встречая сопротивления иных субъектов. В этом плане следует согласиться с тем, что норма позитивного права, предполагаемая участнику правоотношений, в целом воспринимается как правило для нормальной, бесконфликтной коммуникации. Поэтому санкция юридической нормы — это в своем роде внешняя сила, акциденция [Поляков, 2016, с. 659]. По существу, в большинстве случаев, не требующих сложного и подробного регулирования прав и обязанностей субъектов, о юридической норме вспоминают лишь при наличии конфликта.

Рефлексия правовой реальности в сознании субъекта включает в себя не только рациональные, но и иррациональные, мифологические элементы. Образ правовой реальности одновременно является и результатом, и идеальной формой отражения состояния упорядоченности

правового бытия в сознании субъекта. Мифологичность этого образа не играет существенной роли, поскольку он носит ментальный характер. Однако конструируя правовые действия, субъект переносит этот образ в реальность. Правовой миф при этом приобретает уже не ментальный, а реальный характер, и становится основой конструирования не только правового поведения субъекта или его нормативно закрепленного образа [Гилинский, 2011], но и формирования самой правовой реальности. При этом правовой миф трансформируется в миф позитивного права, выражающий в нормативной форме связь между законом как идеологическим конструктом и социальными представлениями о нем. Тем самым миф выступает в качестве правового регулятора, осуществляя непосредственное влияние на правовое поведение индивида.

В качестве такого мифа можно, например, назвать миф кодекса [Рулан, 1999, с. 242–249], суть которого состоит в том, что указанный законодательный акт способен отрегулировать все наиболее значимые отношения, не допуская в целом коллизионность и пробельность. С одной стороны, путем усиления кодифицированности права государство стремится упорядочить правовую систему. С другой стороны, человек воспринимает такую ситуацию как средство создания максимально эффективного правопорядка. Очевидно, что далеко не всякий кодифицированный акт выполняет такую функцию. Однако субъект, реализующий норму кодекса (норму позитивного права), руководствуется указанным представлением и тем самым привносит в правовую реальность определенную уверенность в эффективности правового регулирования посредством кодексов, что, в свою очередь, укрепляет и правопорядок. Если представить, что такого рода ментальный тезис удастся полностью удалить из правосознания большинства субъектов, то, пожалуй, реализация норм кодифицированных актов во многом начнет терять легитимированность и субъекты начнут обращаться к другим источникам права, искать другие правовые практики, в том числе непозитивные и не систематизированные должным образом. Результатом этого может быть удар по единообразию в правовом регулировании многих сфер общественных отношений.

Другой пример — это типичный для большинства стран романо-германской правовой семьи, в том числе России, правовой миф о воплощении в позитивном праве некоей общественной и государственной воли [Сорокин, 2012]. Даже поверхностное исследование способно продемонстрировать, что на самом деле подавляющее количество законопроектов разрабатываются специалистами в сотрудничестве (под чутким руководством) тех или иных

чиновников. Некоторые законопроекты и вовсе есть результат субъективистских представлений отдельных представителей депутатского корпуса. Кроме того, проект закона может и вовсе быть средством лоббирования интересов финансово-промышленных групп. На выражение воли общества, в свою очередь, может претендовать общегосударственный референдум, однако законопроект, выносимый на него, опять-таки разрабатывается не широкими слоями населения. Кроме того, не давая оценку соответствующему факту, лишь констатируем, что общенациональный референдум проводился в России последний раз лишь в 1993 г. по поводу принятия действующей Конституции РФ. Тем не менее как минимум в сознании позитивистско ориентированного юридического сообщества России, а также большинства ее граждан любой законопроект предстает как выражение общественной воли (или хотя бы государственной). Следует отметить, что этот правовой миф играет весьма существенную роль в легитимации всей системы права, «освящая» в том числе деятельность правоприменителей, а также все процессы правореализации. Очевидно, что указанный правовой миф так или иначе используется во всех странах, кроме тех, чья правовая система ориентирована на правовые обычаи, так как последние не нуждаются в подобной легитимации, будучи авторитетными не в силу выражения общественной воли или за счет применения государственного принуждения, а по причине их массовости и укорененности в правосознании большинства населения, не говоря уже и о целесообразности.

Наличие в образе правовой реальности пробелов и (или) коллизий порождает трансгрессивность и фрагментарность реальности в процессе ее конструирования субъектом. Преодоление этих негативных явлений осуществляется на основе правовых мифов. Если в сознании субъекта правовая реальность носит беспробельный и бесколлизионный характер, значит, существует возможность придать ей таковые качества в действительности. Миф при этом выступает синкретическим единством всех сторон реальности. Для мифа не существует разделения на действительное и недействительное, указания на пробельность или коллизионность знания. Правовой миф органически объединяет знания, нормы и ценности субъекта в единый синкретичный образ, априори воспринимаемый в качестве реального. В этом смысле миф можно рассматривать как один из источников формирования правовой реальности.

Специфика правового мифа заключается не столько в его содержании, в том числе истинности или ложности отражения в нем юридических фактов и правовых явлений, сколько

в его восприятии, носящем ценностный характер. В правовых мифах воплощается взгляд субъекта на явления и события действительности, а также их репрезентация в ментальных конструкциях через смысловое содержание. При употреблении мифов субъект говорит одно, а имеет в виду (подразумевает) другое, то есть использует не буквальное, прямое, а переносное (символическое) значение слов. При этом зачастую символ заменяет содержание понятия. Примером подобной символизации служит мифология прав человека [Скоробогатов, 2016].

Однако содержание мифа носит не столько субъективный, сколько интерсубъективный характер, поскольку индивид в правовых мифах опирается, прежде всего, на правовую ментальность, формируемую в процессе социального правового опыта и в значительной степени отражающую правосознание группы, с которой себя идентифицирует субъект или членом которой он является [Краснов, Скоробогатов, 2015]. С помощью мифов субъект (индивид, локальная группа, общество) конструирует такие образы и картины правовой реальности, которые по иному представляют эту реальность, но при этом воспроизводят такое содержание, в котором отражаются особенности интерпретации тем или иным субъектом правовых явлений [Честнов, 2010]. Если в процессе первичной правовой социализации индивид лишь не критично воспринимает правовые ценности, в том числе мифы, которые транслирует ему группа, то при вторичной социализации он осознанно принимает и воспроизводит знания, нормы и установки, позволяющие ему идентифицировать себя с группой и адаптироваться в обществе. В последнем случае индивид может осознавать, что определенные правовые ценности носят мифологический характер, но, понимая, что успешность правовой социализации зависит от степени их усвоения и воспроизводства, он сознательно отказывается от критичного к ним отношения.

Смысловое содержание правового мифа носит символический (метафорический) характер, интерпретируя образ прошлого или настоящего правового явления таким образом, чтобы оно максимально соответствовало ценностной ориентации субъекта и было направлено на конструирование внутренне непротиворечивого образа правовой реальности, которая максимально упрощена для понимания субъекта и в которой субъект играет значимую социальную роль. Именно символизация правовой реальности придает правовому мифу исключительное значение во вторичной правовой социализации индивида.

В процессе символизации человек-творец создает символы и называет объекты

окружающего физического и социального мира, формируя символический универсум, который является новым измерением реальности, специфической адаптивной символической системой [Кассирер, 1998, с. 469–472]. При формировании образа правовой реальности человек не ограничивается простым воспроизводством смысла окружающих предметов и явлений. Называя их, он наделяет их в соответствии с обозначением новым смыслом, который соотносится с его правовым опытом и ценностной ориентацией и позволяет определить роль индивида в правовой реальности как актора.

Правовой миф — важнейшая часть символического универсума [Щербинина, 2008]. Хотя миф, как базовая символическая форма, характерен, прежде всего, для архаических культур, он сохраняет свое значение и в современности, особенно для традиционных и полутрадиционных обществ, к которым можно отнести и Россию. По мнению Э. Кассирера, живучесть мифов, в том числе и правовых, связана с их антропологической заданностью. Создание мифосимволов релевантно самой природе человека [Кассирер, 1998, с. 471]. Поэтому миф невозможно полностью изъять из правового опыта и правового сознания. Выступая органичным компонентом правовых ценностей, миф является атрибутом традиционного (неизменность порядка) и универсального (структурное подобие) мышления, имея ретроспективную направленность.

Ретроспективный характер современных правовых мифов делает их схожими с архаическими мифами, но не столько по содержанию, сколько по их значению в правовой жизни субъекта. Правовой миф, как и любой иной культурный миф, выступает коммуникативным средством и в этом качестве является более ясным и доступным по сравнению с другими средствами передачи информации. Редуцирование правовых образов, конструкций и идей, трансформация их в символическую форму, как правило, выступает единственным средством их усвоения обыденным правосознанием. Несмотря на распространение концепции активной жизненной позиции, современный человек в большинстве традиционных и полутрадиционных обществ по-прежнему инфантилен, верит в чудо (высшую справедливость), надеется на помощь некоего непререкаемого (абсолютного) авторитета, в качестве которого выступает позитивное право (закон) или власть. Применительно к России в качестве примера можно привести прямые эфиры с Президентом РФ, где значительная часть вопросов носит характер конкретных просьб, направленных на удовлетворение интересов человека и (или) локальной группы, которые не были удовлетворены иными облеченными властью субъектами. Президент

как глава государства не только облечен полномочиями определять основы внутренней и внешней политики, но и решать комплексные проблемы социальной, в том числе правовой жизни. Это вполне соответствует сакральному монархическому мифу о всемогуществе главы государства, наделенного сверхполномочиями.

Очень образно это специфическое свойство мифа охарактеризовал Ж. Бодрийяр, назвав ее «логикой Деда Мороза»: несмотря на то, что дети не очень верят в существование Деда Мороза, получать от него подарки все равно приятно [Бодрийяр, 1999, с. 180]. Аналогично взрослый человек, отдавая себе отчет, что правовые средства не являются всемогущими, чувствует себя под его защитой, особенно в случае удовлетворения его интересов даже в случае их случайного совпадения, а тем более при адресном обращении к главе государства. Однако необходимо учитывать, что право в этом случае понимается достаточно широко и не сводится лишь к законодательству.

При всей сложности содержания правового мифа для нашего исследования важно, что он обязательно включает нормативный элемент. Аккумулируя опыт предыдущих поколений, миф формирует образ (модель) идеального правового поведения субъекта [Кашанина, 2008, с. 210]. Будучи догматичным и авторитарным, правовой миф диктует субъекту «как надо», «как должно», преследуя цель сконструировать образ, а затем и саму правовую реальность, которые сочетаются с ценностными установками носителей мифологического сознания. Воспроизводство этого мифа в правовых действиях индивида гарантирует ему включенность в реальное и номинальное сообщество (локальную группу, общество), то есть его правовую идентификацию и социальную адаптацию.

Сущность правового мифа тождественна другим культурным мифам. Точно также он обладает синкретичностью и универсальностью, носит аксиологический характер, имеет знаковую консервативность и замкнутость структуры, обладает свойством к конструированию идеологической реальности и созданию гиперреальности, как своеобразного «симулятивного пространства», создающего ощущение о действительном существовании предметов и явлений, сконструированных лишь ментально [Бодрийяр, 2013, с. 158–159]. Особенно это касается мифов правовой политики. В силу специфического характера не только коммуникативного, но и функционального воздействия на человека и общество, порождаемая ими реальность носит не только символический, но и действительный характер. Применительно к современной России это, прежде всего, касается мифа гражданского общества, который благодаря активным

действиям государственной власти постепенно трансформируется из символического образа в реальность, несмотря на существующее значительное его неприятие в социальной среде.

В основе правового мифа лежит ценностный ориентир, который формируется в процессе взаимодействия субъекта с правовой реальностью и определяет не только выбор варианта правового поведения в конкретной ситуации, но и его социально-культурную идентификацию [Matantseva, 2018]. Мифологизация правовых ценностей сопровождается филиацией и выступает ее внешним оформлением. Правовая мифология при этом выступает средством конструирования акторами некоторой целостности, которая формируется не как рациональная идея, а как конструируемый образ правовой реальности. Это определяет основную цель правового мифа — генерирование непротиворечивой совокупности взглядов и мыслей по поводу мифологизированного правового явления [Рязанова, 2011].

Правовой миф является неотъемлемым элементом социокультурного пространства [Майорова, Матанцев, 2017]. Значительная часть мифологем существует в правосознании субъекта неосознанно. Это связано с тем, что правосознание не всегда рефлексивно, зачастую полностью погружается в мир образов и архетипов, направляющих правовое поведение человека [Бачинин, 1999, с. 100–102]. Особенно значимо это в процессе вторичной правовой социализации, при которой восприимчивость и воспроизводство правовых мифов является необходимым элементом успешности интеграции в сообщество.

Правовой миф при этом выполняет функцию правовой идентификации индивида. Выступая способом вписывания индивида в социум, миф отражает степень усвоения субъектом правовых ценностей группы и его социальной адаптации. Наиболее ярко это проявляется в процессе вторичной правовой социализации представителей юридических профессий. Восприятие и воспроизводство правовых мифов реального и номинального профессионального сообщества позволяет индивиду не только идентифицировать себя с группой, но и успешно осуществить свою вертикальную мобильность.

В связи с этим становится вполне понятным, почему выпускник юридического вуза, поступая на службу в те или иные правоохранительные органы, порой сталкивается с тем, что ему приходится учиться неким новым правилам, по которым осуществляется соответствующий юридический процесс. Фетишизация позитивного права, формируемая в процессе юридического образования, приходит в противоречие с юридической практикой. Здесь мы имеем дело с параллельным существованием норм позитивного и неофициального права,

о чем шла речь выше. При этом очень важным является соблюдение юридических норм с точки зрения некой внешней стабильности в отношениях. Косвенно сказанное доказывает наличие довольно-таки большого числа правовых мифов, на которых строится действующее законодательство: разработчики нормативных правовых актов имеют дело не с реальной правовой жизнью, а с идеальными правовыми представлениями о том, как эта жизнь должна складываться. В реальной же правовой работе приходится иметь дело не с идеальными конструкциями, а нормами неофициального права, характерными для соответствующей профессиональной юридической сферы. Это обуславливает специфику вторичной правовой социализации, в ходе которой индивид овладевает правилами и ценностями профессионального сообщества, позволяющими ему осуществить правовую идентификацию и социальную адаптацию [Скоробогатов, Скоробогатова, 2018].

Однако правовой миф при этом выступает не как жесткий инстинктивный паттерн, детерминирующий правовое поведение индивида, а как стимул локальной правовой реальности, порождающий на основании определенного социального целеполагания правовые действия. Ретроспективный характер мифа предполагает, что при возникновении схожих с прошлыми ситуаций их разрешение должно осуществляться максимально тождественно с имеющимися образцами. Правовой миф в этом случае не просто замещает рациональное мышление, но и способствует возобновлению гармонии последнего, символично дополняя его абстрактно позитивные смыслы в целостной полноте.

Целью мифологизации правовой реальности является легитимация правовых процессов и явлений, которые в наибольшей степени способствуют удовлетворению интересов субъекта. Эта легитимация не столько направлена на рациональное объяснение преимуществ правовых явлений и процессов, сколько на установление ассоциативных связей, вовлечение символического образа этого явления или процесса в общий культурный контекст.

Собственно, правовая легитимация есть признак, свойство права в постклассическом его понимании [Денисенко, 2014]. В отличие от юридического позитивизма, где силу праву придает исключительно государственная власть, в концепциях правопонимания постклассического характера особое значение придается тому, насколько правила поведения находят отражение в массовых поведенческих практиках людей. На первый план в таком случае выходит целесообразность, а также особая функциональная значимость тех или иных правил поведения. Значение правового мифа в процессах легитимации

сложно переоценить, так как он закрепляет те или иные образы в символической форме, апеллируя к правовым архетипам сознания. Скажем, на правовом архетипе сакральности власти может держаться практически вся правореализация, так как в период нестабильности государства, развенчания мифа о силе власти и ее авторитете происходит сознательный отказ от исполнения исходящих от нее правил поведения, пусть и не во всем обществе, но в целом ряде социальных групп. В качестве примеров можно привести чрезвычайное падение правопорядка в 1917 г., разгул преступности в 90-е гг. XX в. после развала СССР.

По существу, правовые мифы, будучи intersubъективными и трансперсональными конструкциями, выступают в качестве специфических культурных архетипов. Их формирование связано с систематизацией и схематизацией человеком правового опыта, прежде всего, социального. Правовые мифы конструируют константные модели правового поведения. Однако эта константность воспринимается конкретным человеком не только на уровне вербального дискурса, но и визуального. Следствием этого становится интерпретация константной модели на основании индивидуального правового опыта, то есть для человека при сохранении универсальности сущности правового мифа его содержание приобретает личностный характер и становится в определенной степени ситуативным. Зачастую именно визуальный характер правовых мифов, особенно ритуального характера, служит репрезентации правового статуса индивида и выполняемой им социальной роли. Примером могут служить многочисленные ритуалы в судебной сфере (одевание судьи в мантию, удаление в совещательную комнату, вставание присутствующих в зале заседания при входе судьи или оглашении приговора), которые связаны с архетипами правосудия, сформировавшимися еще в древнем мире.

Мифотворчество может носить как стихийный, так и целенаправленный характер. В первом случае миф конструируется субъектом, преследующим субъективные или intersubъективные цели, связанные с формированием, развитием и функционированием социальной группы. Во втором случае миф конструируется политической элитой или референтной группой с целью продвижения в массы определенной идеи. В этой ситуации мифотворчество можно рассматривать как один из видов социально-коммуникативных технологий, которая предусматривает активизацию имеющихся в массовом сознании и коллективном подсознательном мифологических образов в нужном для достижения поставленной цели направлении [Пробегайлова, 2018]. В форме мифа в массовое

правосознание возможно внедрить новые ценности с минимальными материальными затратами. Миф, имеющий наивно-эмоциональный язык, существенно проще для массового восприятия, чем научное или философское знание. Следовательно, актер (государственная власть, политическая элита, референтная группа, формальный или неформальный лидер), стремясь к трансляции новых ценностных представлений, конструирует миф, который содержит модели интерпретации и поведения, наиболее соответствующие его целеполаганию [Кузнецова, 2006]. Интерпретация такого мифа в правосознании носит не критический характер. Примером такого мифа может служить идея правового государства, которая все больше мифологизируется и трансформируется из теоретической конструкции и основанной на ней практики в «овеянный легендами образ с претензиями на чудодейственность».

Правовой миф тесно связан с современным законодательством. Во-первых, получая закрепление в законодательстве, миф становится идеологическим источником права. Во-вторых, позитивное право оперирует значительным количеством мифов, которые находят свое выражение в фактических презумпциях, юридических фикциях и нормативно закрепленных ритуалах (например, при организации судопроизводства) [Ишигилов, 2009].

Мифы позитивного права, как правило, отображают те или другие правовые мифы, выражая их в нормативной форме, которая обеспечивает необходимую связь между правовой системой и ее ментальным образом. При этом правовой миф оказывает влияние на качество и эффективность закона. В этом смысле правовой миф не только играет роль идеологического источника права, но и сам становится правовым регулятором, осуществляя непосредственное влияние на правовое поведение субъекта [Танимов, 2012]. Так, страх перед наказанием, существующий со времен архаичного права, воплощенный в принципе «правонарушение должно караться», является не только идеологической основой уголовного права, где получает выражение в идее неотвратимости наказания, но и выступает как фундаментальная мифологическая конструкция, создающая образ права как инструмента возмездия, силы, которая имеет сверхиндивидуальное происхождение. В этом случае правовой миф может выполнять функцию защитного механизма, препятствуя распаду социума и способствуя его консолидации вокруг определенной идеи. Чем в большей степени такая идея носит архитектурный характер, тем значительнее она консолидирует общество. Применительно к современной России таким мифом стал «патриотизм», составными частями которого можно считать

ориентацию в правовой политике на сильное самостоятельное государство, которого боятся и уважают соперники и которое способно развиваться, опираясь лишь на внутренние ресурсы.

С функцией защитного механизма правового мифа тесно связана функция мобилизации. Поскольку поведение человека определяет не только рациональный расчет, но и иррациональные мотивы, миф выступает в качестве духовного средства мобилизации. Правовая реальность, будучи объективно-субъективным явлением, не сводится к исключительно рациональным конструкциям. Напротив, она в значительной степени является результатом совокупности ментальных образов, носящих в том числе чувственный характер [Скоробогатов, Краснов, 2015]. Миф при этом выступает как результат и источник воли социума, направленный на мобилизацию группы людей для выполнения определенных правовых действий. В случае с упомянутым выше мифом «патриотизма» это выражается в консолидации общества вокруг власти в форме трансформации правового поведения в правомерное, хотя и носящее в значительной степени не социальный, а маргинальный характер.

Выводы

Таким образом, правовой миф представляет собой специфичный правовой феномен, существующий как на рациональном, так и на иррациональном уровне правосознания. Выражая ценностные правовые ориентиры человека, социальной группы и общества, миф осуществляет социальную легитимацию правовых и юридических явлений, институтов и процессов. Он выступает как внутренне упорядоченное императивное утверждение, направленное на формирование определенного элемента образа правовой реальности. Исследование правового мифа позволяет понять сущность и содержание субъективных компонентов правовой реальности. Правовой миф одновременно отражает (объясняет, интерпретирует) правовую реальность и ее формирует (конструирует). При этом он в большей степени охватывает ментальную составляющую, рисуя определенную идеальную картину, с апелляцией к сложившимся традициям либо к целесообразности в регулировании отношений. Однако правовые мифы находят закрепление не только в правосознании, определяя правовое поведение человека, но и в позитивном праве.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
2. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков: Фолио, 1999. 607 с.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О.А. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопровод. ст. С. Зенкин. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
7. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. 2-е изд. СПб.: АИК, 2013. 328 с.
8. Вострокнутов В.А. Мифологические основания правопонимания // История государства и права. 2014. № 3. С. 12–16.
9. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс. Одесса: Фенікс, 2013. 218 с.
10. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 180 с.
11. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
12. Завальнюк В.В. Мифологический контент в позитивном праве: антропологический аспект // *Leges et Vita*. 2014. № 2/2. С. 103–106.
13. Ишигилов И.Л. К вопросу о мифологичности права // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 19–24.
14. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1: Историографический очерк, проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа — от первобытности к Возрождению. СПб.: Петрополис, 2003. 368 с.
15. Кассирер Э. Опыт о человеке // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. С. 469–472.
16. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права: Современные трактовки и новые подходы: учеб. пособие. М.: Высшее образование, 2008. 358 с.
17. Ковлер А.И. Антропология права. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. 480 с.
18. Конструирование девиантности: монография / под общ. ред. Я.И. Гилинского. СПб.: ДЕАН, 2011. 224 с.
19. Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 18–21.
20. Кузнецова Е.И. Миф как социокультурный феномен в системе массовой коммуникации Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2006. Вып. 1 (5). С. 512–519.
21. Кэмпбелл Дж. Пути к блаженству. Мифология и трансформация личности. М.: Открытый мир, 2006. 320 с.
22. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический Проект, 2008. 304 с.
23. Лукашева Е.А. Современная мифология и реалии политической и социальной жизни // Труды Института государства и права Российской Академии наук. 2012. № 3. С. 5–35.
24. Майорова М.С., Матанцев Д.А. Понятие и значение правовых ценностей в культурном измерении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 8 (82). С. 115–117.
25. Миронов В.О., Зин Н.В. О правообразовании // Актуальные вопросы образования и науки. 2018. № 2 (64). С. 11–17.
26. Небратенко Г.Г. Обычно-правовая система традиционного общества. М.: Вузовская книга, 2011. 480 с.
27. Небратенко Г.Г. Обычно-правовая система: структура и элементы. Учебное пособие по сравнительному правоведению. Ростов-н/Д.: ЮРИФ РАНХ и ГС, 2013. 52 с.
28. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 10–19.
29. Плаггенборг Шт. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.
30. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2016. 832 с.
31. Пробегайлова Н.В. Технологии мифотворчества в процессе конструирования современной политической реальности (на примере Украины, ЛНР и ДНР): цивилизационный подход // Журнал Института Наследия. 2018. № 2 (13). С. 1–13. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/208.html> (дата обращения: 13.04.2020).
32. Пучков О.А. Антропологическое постижение права: монография. Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. юрид. акад., 1999. 383 с.
33. Разуваев Н.В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 48–98.
34. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 1999. 304 с.
35. Рязанова С.В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 86–96.
36. Скоробогатов А.В. Естественные права человека как правовой миф // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 28–29 окт. 2016 г.: в 3 т. Полоцк. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр / отв. ред. И.В. Вегера и др. Новополюцк: ПГУ, 2016. Т. 1. С. 102–107.
37. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Индивидуальное право как основа правового поведения индивида // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1. С. 81–89.
38. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России в постклассической парадигме // Правовая культура. 2015. № 3 (22). С. 38–47.
39. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54–58.

40. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовое поведение как феномен правовой реальности // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 25–35.
41. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей // История государства и права. 2018. № 2. С. 65–70.
42. Скоробогатов А.В., Юсупов А.А. Неофициальное право в контексте правового поведения // История государства и права. 2018. № 8. С. 9–14.
43. Сонина Л.В. Право и мифология // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 23–28.
44. Сорокин В.В. Воля в праве: актуализация проблемы // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2012. № 5. С. 258–262.
45. Танимов О.В. Миф как нормативный регулятор жизни людей и как фикция // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 35–37.
46. Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т.В. Кашанина. М.: Проспект, 2018. 224 с.
47. Тимошина Е.В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 218–294.
48. Тищенко Ю. Феноменология правового мифа // *Leges et Vita*. 2014. № 4/2. С. 157–160.
49. Толстик В.А. Проблемы классификации юридической терминологии // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 176–182.
50. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
51. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др. М.: АСТ, 1999. 261 с.
52. Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2010. № 14. С. 15–20.
53. Чиркин В.Е. Социальная справедливость как фактор устойчивого развития общества (конституционные вопросы) // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 1 (41). С. 88–97.
54. Шаповалов И. А. Компенсаторная функция правового мифа на примере мифа эффективности закона // Знаково-символическое бытие права. 11-е Спиридоновские чтения: мат. междунар. науч.-теор. конф. / под ред. д. ю. н., проф. И.Л. Честнова. СПб.: ИВЭС-ЭП, 2013. С. 323–333.
55. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия: предыстория философии. Л.: Наука, Л.о., 1971. 240 с.
56. Щербинина Н.Г. Символическое конструирование мифо-героической политической реальности России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 2 (3). С. 18–37.
57. Яковлева Е.Л. Игровая природа мифа и современная культура. Казань: Познание, 2011. 168 с.
58. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations* // Baudrillard J. *Selected Writings*. Stanford: Stanford University Press, 1988. P. 166–184.
59. Matantseva M.S., Ledovskikh N.P., Matantsev D.A., Piterskaya A.L., Tchinaryan E.O. Law Values as a Factor of Sociocultural Identification // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Vol. 9. № 10. P. 2001–2012.

Law Myth as a Value Basis of the Law Reality of Russia

Skorobogatov Andrey,

Doctor of history sciences, professor of the chair
of theory of state and law and public-law discipline
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
E-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Krasnov Alexandr,

Candidate of the law, associate professor of chair
of the theory and history of the right and the state,
Kazan branch of Russian University of Justice
E-mail: fieldo8@mail.ru

Abstract: *The purpose of this article is an axiological research of the role of the law myth in the construction and functioning of the law reality of Russia. The methodological basis of the research is a postclassical paradigm, which focused on an interdisciplinary philosophical and law research of law phenomena in a broad historical and sociocultural context, and the corresponding socio-constructivist approach, which involving the research of law reality as a result of human subjective and intersubjective creative activity. One of the areas of human activity is the law myth, which plays a large role in the creation and functioning of law reality. Results: Axiological research of law myths allows to identify their theoretical and practical potential in the law life of a person and law reality. Each*

epoch has its own authoritarian and stable law myths, which are designed to create a certain image of law reality, which correlates with the value expectations of subjects of law consciousness and law culture. The law myth always has its core law value. The law myth appears as an internally-ordered imperative statement, which is aimed at the formation of a certain element of the image of law reality. Through law mythology, there is a legitimization of the processes taking place in society, primarily in the most normative spheres of society — in politics and law. There is an attribution one or another meaning to social phenomena. Thus, law myths penetrate to legislation, acquiring the role of an ideological source of law. Identification of the myth by the law conscience turns it into a definite matrix, which serves as a standard for assessing the relevant law behavior. The law myth has a dichotomous nature. On the one hand, it is intended to interpret law reality. On the other hand, myths construct reality not only mentally, but also verbally.

Key words: law myth, law reality, law value, law-awareness, law construct, legitimation of the legal, post-classical methodology.

References

1. Bachinin V.A. Filosofiya prava i prestupleniya. Har'kov: Folio, 1999. 607 s.
2. Bart R. Mifologii / per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2008. 351 s.
3. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya / per. E. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995. 323 s.
4. Bocharov V.V. Napisanyj zakon: Antropologiya prava. Nauchnoe issledovanie. 2-e izd. Saint Petersburg: AIK, 2013. 328 s.
5. Bodriyyar Zh. Simvolicheskij obmen i smert'. Moscow: Dobrosvet, 2000. 387 s.
6. Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyaciya / per. s fr. O.A. Pechenkina. Tula: Tul'skij poligrafist, 2013. 204 s.
7. Bodriyyar Zh. Sistema veshchej / per. s fr. i soprovod. st. S. Zenkin. Moscow: Rudomino, 1999. 224 s.
8. Chestnov I.L. Social'noe konstruirovanie pravovoj identichnosti v usloviyah globalizacii // Vestnik RGGU. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2010. № 14. S. 15–20.
9. Chirkin V.E. Social'naya spravedlivost' kak faktor ustojchivogo razvitiya obshchestva (konstitucionnye voprosy) // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2017. T. 11. № 1 (41). S. 88–97.
10. Denisenko V.V. Legitimnost' kak harakteristika sushchnosti prava: vvedenie v teoriyu: monografiya. Moscow: Yurlitinform, 2014. 180 s.
11. Gorobec K.V. Aksiosfera prava: filosofskij i yuridicheskij diskurs. Odessa: Feniks, 2013. 218 s.
12. Ishigilov I.L. K voprosu o mifologichnosti prava // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2009. № 2 (45). S. 19–24.
13. Kagan M.S. Vvedenie v istoriyu mirovoj kul'tury. Kn. 1: Istoriograficheskij ocherk, problemy sovremennoj metodologii. Zakonomernosti kul'turogeneza, etapy razvitiya kul'tury tradicionnogo tipa — ot pervobytnosti k Vozrozhdeniyu. Saint Petersburg: Petropolis, 2003. 368 s.
14. Kshanina T.V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava: Sovremennye traktovki i novye podhody: ucheb. posobie. Moscow: Vysshee obrazovanie, 2008. 358 s.
15. Kassirer E. Opyt o cheloveke // Kassirer E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke. Moscow: Gardarika, 1998. S. 469–472.
16. Kempbell Dzh. Puti k blazhenstvu. Mifologiya i transformaciya lichnosti. Moscow: Otkrytyj mir, 2006. 320 s.
17. Konstruirovanie deviantnosti: monografiya / pod obshch. red. Ya.I. Gilinskogo. Saint Petersburg: DEAN, 2011. 224 s.
18. Kovler A.I. Antropologiya prava. Moscow: Yur. Norma, NIC INFRA-M, 2019. 480 s.
19. Krasnov A.V., Skorobogatov A.V. Rol' pravosoznaniya v razvitii pravovoj real'nosti // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2015. № 2 (11). S. 18–21.
20. Kuznecova E.I. Mif kak sociokul'turnyj fenomen v sisteme massovoj kommunikacii Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Social'nye nauki. 2006. Vyp. 1 (5). S. 512–519.
21. Losev A.F. Dialektika mifa. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2008. 304 s.
22. Lukasheva E.A. Sovremennaya mifologiya i realii politicheskoy i social'noj zhizni // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj Akademii nauk. 2012. № 3. S. 5–35.
23. Majorova M.S., Matancev D.A. Ponyatie i znachenie pravovyh cennostej v kul'turnom izmerenii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 8 (82). S. 115–117.
24. Mironov V.O., Zin N.V. O pravoobrazovanii // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2018. № 2 (64). S. 11–17.
25. Nebratenko G.G. Obychno-pravovaya sistema tradicionnogo obshchestva. Moscow: Vuzovskaya kniga, 2011. 480 s.
26. Nebratenko G.G. Obychno-pravovaya sistema: struktura i elementy. Uchebnoe posobie po sravnitel'nomu pravovedeniyu. Rostov-n/D.: YURIF RANH i GS, 2013. 52 s.
27. Perevalov V.D. Normy prava: problemy ponimaniya i opredeleniya // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 5 (101). S. 10–19.
28. Plaggenborg Sht. Revolyuciya i kul'tura. Kul'turnye orientiry v period mezhdru Oktyabr'skoj revolyuciej i epohoj stalinizma. Saint Petersburg: Zhurnal «Neva», 2000. 416 s.

29. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podhoda: Uchebnik. 2-e izd. Moscow: Prospekt, 2016. 832 s.
30. Probegajlova N.V. Tekhnologii mifotvorchestva v processe konstruirovaniya sovremennoj politicheskoy real'nosti (na primere Ukrainy, LNR i DNR): civilizatsionnyj podhod // Zhurnal Instituta Naslediya. 2018. № 2 (13). S. 1–13. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/208.html> (data obrashcheniya: 13.04.2020).
31. Puchkov O.A. Antropologicheskoe postizhenie prava: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo Ur. gos. yurid. akad., 1999. 383 s.
32. Razuvaev N.V. Pravo: social'no-konstruktivistskij podhod // Pravovedenie. 2015. № 5 (322). S. 48–98.
33. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya: uchebnik dlya vuzov / otv. red. V.S. Nersesyanc. Moscow: Norma, 1999. 304 s.
34. Ryazanova S.V. Politicheskaya mifologiya kak aktual'naya problema gumanitarnyh disciplin // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 1. S. 86–96.
35. Shahnovich, M.I. Pervobytnaya mifologiya i filosofiya: predystoriya filosofii. Leningrad: Nauka, L.o., 1971. 240 s.
36. Shapovalov I.A. Kompensatornaya funkciya pravovogo mifa na primere mifa effektivnosti zakona // Znakovo-simvolicheskoe bytie prava. 11-e Spiridonovskie chteniya: mat. mezhdunar. nauch.-teor. konf. / pod red. d. yu. n., prof. I.L. Chestnova. Saint Petersburg: IVESEP, 2013. S. 323–333.
37. Shcherbinina N.G. Simvolicheskoe konstruirovaniye mifo-geroicheskoy politicheskoy real'nosti Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2008. № 2 (3). S. 18–37.
38. Skorobogatov A.V. Estestvennye prava cheloveka kak pravovoy mif // Konstitucionnye prava i svobody: problemy interpretatsii i realizatsii v nacional'nykh pravovykh sistemah: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Novopolock, 28–29 okt. 2016 g.: v 3 t. Poloc. gos. un-t, Region. ucheb.-nauch.-prakt. Yurid. centr / otv. red. I.V. Vegera i dr. Novopolock: PGU, 2016. T. 1. S. 102–107.
39. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Individual'noe pravo kak osnova pravovogo povedeniya individa // Rossijskij zhurnal pravovykh issledovanij. 2018. № 1. S. 81–89.
40. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaya real'nost' Rossii v postklassicheskoy paradigme // Pravovaya kul'tura. 2015. № 3 (22). S. 38–47.
41. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaya real'nost' Rossii: ponyatie i struktura // Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 7. S. 54–58.
42. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravoe povedenie kak fenomen pravovoj real'nosti // Pravovaya kul'tura. 2017. № 1 (28). S. 25–35.
43. Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I. Vtorichnaya pravovaya socializatsiya kak sredstvo osvoeniya pravovykh cennostej // Istoriya gosudarstva i prava. 2018. № 2. S. 65–70.
44. Skorobogatov A.V., Yusupov A.A. Neoficial'noe pravo v kontekste pravovogo povedeniya // Istoriya gosudarstva i prava. 2018. № 8. S. 9–14.
45. Sonina L.V. Pravo i mifologiya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2009. № 1. S. 23–28.
46. Sorokin V.V. Volya v prave: aktualizatsiya problemy // Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs. 2012. № 5. S. 258–262.
47. Tanimov O.V. Mif kak normativnyj regulyator zhizni lyudej i kak fikciya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 5. S. 35–37.
48. Tanimov O.V. Teoriya yuridicheskikh fikcij: monografiya / otv. red. T.V. Kashanina. Moscow: Prospekt, 2018. 224 s.
49. Timoshina E.V. Klassicheskoe i postklassicheskoe pravoponimanie kak stili filosofsko-pravovogo myshleniya // Postklassicheskaya ontologiya prava: monografiya / pod red. I.L. Chestnova. Saint Petersburg: Aletejya, 2016. S. 218–294.
50. Tishchenko Yu. Fenomenologiya pravovogo mifa // Legea si Viata. 2014. № 4/2. S. 157–160.
51. Toffler E. Tre'tya volna / per. s angl. K. Yu. Burmistrova i dr. Moscow: ACT, 1999. 261 s.
52. Tolstik V.A. Problemy klassifikatsii yuridicheskoy terminologii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2013. № 2(26). S. 176–182.
53. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. Moscow: Progress-Kul'tura, 1995. 624 s.
54. Vostroknutov V.A. Mifologicheskie osnovaniya pravoponimaniya // Istoriya gosudarstva i prava. 2014. № 3. S. 12–16.
55. Yakovleva E.L. Igrovaya priroda mifa i sovremennaya kul'tura. Kazan': Poznanie, 2011. 168 s.
56. Zaval'nyuk V.V. Mifologicheskij kontent v pozitivnom prave: antropologicheskij aspekt // Legea si Viata. 2014. № 2/2. S. 103–106.
57. Zhizhek S. Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm. Saint Petersburg: Aletejya, 2005. 156 s.
58. Baudrillard J. Simulacra and Simulations // Baudrillard J. Selected Writings. Stanford: Stanford University Press, 1988. P. 166–184.
59. Matantseva M.S., Ledovskikh N.P., Matantsev D.A., Piterskaya A.L., Tchinaryan E.O. Law Values as a Factor of Sociocultural Identification // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. № 10. P. 2001–2012.